

Эта

Кристина
Майер

ОТТЕНКОВ
СТРАСТИ

Кристина Майер
Сто оттенков страсти
Серия «Современные
богатыри», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422252
Кристина Майер. Сто оттенков страсти.

Аннотация

Чтобы забрать племянницу из детского дома, я вынуждена обратиться за помощью к ее отцу. Известный столичный адвокат – Алмазов Роман Георгиевич и не думает нам помогать. Он просто мне не верит. Ладно, разберемся!

Она появилась, чтобы испортить жизнь моей семьи. Я готов уступить шантажу, лишь бы в будущем наши пути больше не пересеклись. В противном случае девочка с фиалковыми глазами очень сильно об этом пожалеет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	68
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кристина Майер

Сто оттенков страсти

18+

Цикл: Современные богатыри. Книга вторая

Глава 1

Алмаз

Звук работающих дворников царапал слух, но стоило их выключить, и лобовое стекло сразу же заливало водой. Промоутеры уже задолбали, стоит оставить машину без присмотра, они натолкают под каждый дворник листовок и флайеров! Вот кто-то из них и скривил мне дворник! Не доезжая до работы, выключил их!

От парковки до конторы всего-то пятьдесят метров, а я уже минут двадцать сидел в автомобиле, водный капкан за окном не позволял покинуть салон.

Выйти, конечно, мог... Я бы уже так и сделал, но моя помощница только вчера отправила все запасные костюмы в химчистку. Придется ехать домой переодеться или оставаться в мокрой одежде весь день.

Зонт в машине никогда не держал, сейчас бы он пригодился. Хотя, когда я им пользовался? «Не сахарный, не растаю». – по такому принципу жил всегда.

Позвонить помощнице и попросить подойти с зонтом к машине? Лучше намокну!

Если бы не встреча с клиентом, я бы уже сидел в кабинете, но я не мог позволить себе явиться на деловую встречу в мокром пиджаке. В нашем окружении встречают по одежке.

На моих глазах щуплая фигурка подростка прошмыгнула

в нотариальную контору.

«Мальчишка наверняка промок до трусов», – подумал я равнодушно. – «Сейчас этого попрошайку прогонит охрана», – ухмыльнувшись, включил радио и приготовился ждать, когда же парнишка появится на крыльце.

Зря сунулся, сейчас его выставят за дверь, еще и с крыльца проводят. Спрячься он от ливня под козырьком конторы, никто бы его не тронул, но, видно, мальчишке наглости не занимать, раз он захотел отсидеться внутри здания. Скорее всего, решил денег поклянчить.

Десять минут ожидания результатов не принесли. Постукивая пальцами по кожаному рулю, продолжал ждать, хотя спокойствия уже не испытывал, напрягало бездействие людей, отвечающих за безопасность.

«Что этот промокший щенок делает в нашей конторе?! Куда смотрит охрана?!»

Сарафанное радио быстро разнесет по Москве, что мы даем приют бомжам и пьяницам, объясняйся потом с клиентами! Бизнесмены и публичные личности платят не только за услуги, но и за сервис.

Мое терпение никогда не было безграничным, наплевав на дождь, покинул теплое сухое убежище и быстрым шагом направился к дверям.

«Даже увольнений не боятся!»

– Доброе утро, Роман Георгиевич, – поприветствовал один из охранников, как только я появился в стенах родной

конторы.

«Доброе?!»

– Где мелкий? – спросил, строго оглядывая обоих. Они вздрогнули и уставились на меня словно дрессированные псы. Взбесило выражение полного непонимания на их лицах.

«Два идиота!»

– Куда делся мальчишка?!

– Какой мальчишка? – заикаясь, выдавил один из охранников.

– Вы издеваетесь? – тихая угроза повисла в воздухе.

– Нет, – выдавил другой охранник, мотая головой. Смерив их недовольным взглядом, зло процедил сквозь зубы: – Бегом на камеры! Проверьте, куда он делся. Если через пять минут не отчитаетесь, где этот оборванец, считайте себя уволенными.

Мокрая рубашка и заляпанные брызгами туфли настроения не улучшали. Костюм специально оставил в машине, попрошу Ингу за ним сходить. С промокших волос капли стекали за воротник – так себе удовольствие.

– Инга, полотенце чистое у нас есть? – ворвавшись в кабинет, вместо приветствия пробасил я.

– Доброе утро, Ро... Да, есть. Бумажные, – подсакивая со стула, сбивчиво промямлила она мне в спину.

Я остановился в шаге от своей двери и обернулся.

«Бумажные? Что-то типа туалетной бумаги, но размером побольше?» – недовольно подумал я.

– Хорошо, что не газета, – пригвоздил ее взглядом к месту. – Ладно, неси свою бумагу, – подчеркнул интонацией последнее слово. – Хозяйственная ты наша!

Оглядываясь, наверное, в поисках этих самых полотенец, она нервно теребила в руках карандаш.

– Там клиент, – зажмурившись, выпалила она. Не сводя с нее взгляда, ждал, когда она откроет глаза и пояснит, что она сейчас произнесла.

– Там вас ожидает клиент, – открыв наконец-то глаза, очень тихо повторила секретарь и указала на дверь.

«Мою дверь!»

Значит, мне это не послышалось! Понять-то я уже понял, но не знал, как реагировать.

– Ты пустила кого-то в мой кабинет? – не веря, уточнил.

«А в ответ тишина!»

– Глаза открой! – рявкнул на нее, когда она вновь зажмурилась и принялась кивать. – Работать надоело?! – громко поинтересовался, нависая над ней, но тут же выпрямился и развернулся в сторону кабинета.

Бесполезно отчитывать. Тупая курица! Это же надо – впустить в мой кабинет клиента, когда меня там нет?!

– Не смогла остановить, – тихо донеслось мне в спину, когда я уже распахнул дверь, – нагл... – последнее, что услышал, прежде чем захлопнул створку.

– А ну бегом выметайся отсюда! – угрожающе произнес я. Этот шкет даже и не подумал встать с моего кресла.

– Мы сначала поговорим, – высокий, но уверенный голос резанул слух. Я не ожидал, что «это» окажется девчонкой.

– Мне некогда с тобой разговаривать, быстро поднялась и на выход. Дорогу найдешь, или охрану позвать?

– Ты со мной так не разговаривай, – дерзко оборвала она мою речь.

«Напросилась!»

Сделав шаг к креслу, поднял ее за шиворот, хорошенько встряхнул. Пока ее ноги болтались в воздухе, у нее как раз было время подумать и понять, с кем разговаривает в таком тоне.

Не испугалась зараза! Ее высокомерный взгляд из-под козырька кепки напрягал. Такое ощущение, что я ее откуда-то знаю...

«Да нет, впервые вижу!»

– Поставь на место, – все в той же манере продолжала она разговаривать. Ее дерзость бесила, но смелость восхищала. Мужики бы уже струсил передо мной, а эта... Смотри на нее!

Шум поднимать не хотелось – у нескольких сотрудников с утра были запланированы встречи с клиентами.

– Выметайся, я сказал! Или тебе денег дать, чтобы без скандала исчезла? – подняв ее к своему лицу, зло проговорил. Упрямый смелый взгляд девчонки уже раздражал.

– О, какой щедрый! – притворно засмеялась девчонка. – Ты бы лучше, папочка, вспомнил, что у тебя дочка есть, которую нужно содержать.

Даже не заметил, что рука медленно стала опускаться.

«Папочка?!»

Как только ее ноги коснулись пола, пигалица меня оттолкнула и вновь заняла мое рабочее кресло.

– Испугался? За бабло свое переживаешь? Да ты не дрейфь, я просто поговорить пришла, – вальяжно развалившись, продолжала нести ахиною девица.

«Дочь?! У меня? Откуда?!»

Я знаю, откуда берутся дети, но я всегда пользовался защитой! Почти всегда! Школьные годы в расчет не берем, в то время мозги часто отказывали.

– Так, выпрыгнула из моего кресла и пересела на стул – это раз! Разговаривай нормально – это два! – быстро взяв эмоции под контроль, отчеканил я. Жизнь научила не верить подобным заявлениям.

– Ладно-ладно, не кипятись, – ухмыльнувшись, она встала и заняла свободный стул напротив моего стола.

«Почему я ее просто не выставил за дверь?» – задавал сам себе вопрос.

Ее упрямое выражение лица... Взгляд... Что-то в ней меня смущало... или, скорее, напрягало.

– Роман Георгиевич, – постучав в дверь, заглянула помощница, – к вам тут охранник...

– Пусть идут работать. Дверь закрой, – рыкнул на Ингу, увидев, что она с интересом разглядывает «мокрого щенка».

Девица в это время немного растеряно, но с интересом

рассматривала меня из-под кепки, но что ее так насторожило, осталось секретом.

– Я теперь с уверенностью могу сказать, что ты отец Лизы, – ухмыльнувшись, проговорила она после того, как Инга в страхе захлопнула дверь.

Девчонка словно затеяла какую-то игру. Понятно, что словам ее я не верил, но вот выкрутасы и жаргон никак не сочетались с миловидной внешностью. Ее поведение было нарочито-хамским, что легко читалось, и ничего, кроме желания нахлопнуть по заднице, это поведение не вызывало. Пока...

– У тебя есть десять минут, чтобы четко обрисовать свою проблему. Если не удастся вызвать у меня заинтересованность или сочувствие, выставлю на улицу. Второго шанса у тебя не будет.

– Сочувствие? – заволновалась она, голос едва заметно дрогнул.

– Время пошло, – повернув запястье левой руки, посмотрел на часы. – И прекрати мне «тыкать», соплячка, – почти вежливо предупредил ее, но мою просьбу проигнорировали.

– У тебя есть дочь, Алмазов! – выкрикнула она, словно предложенные мною десять минут уже прошли.

Это заявление вызвало в душе протест. Подняв голову, попрошайка смотрела мне в лицо, но разглядеть, что таится в глубине ее глаз, мешал длинный козырек дешевой кепки.

– Тебя не учили, что головной убор в помещении нужно

снимать? – холодно поинтересовался.

– Я думала, что тебя должна была удивить новость о дочери, а ты мне тут про кепку, – совсем неженственно фыркнула она и стянула резким движением головной убор. Длинные темные волосы каскадом рассыпались по плечам. Тряхнув головой, она смахнула с лица локоны и подняла на меня взгляд.

Почувствовал себя в этот момент... идиотом. Девчонке явно больше предполагаемых мною пятнадцати-шестнадцати лет: относительно невысокий рост, худоба и мешковатая одежда ввели бы кого угодно в заблуждение.

– Я похож на того, кто верит всему, что говорят? – недобро усмехнулся, пытаясь в это время разглядеть под бесформенной одеждой хоть какие-то признаки ее женственности. Напрасно!

– Ты похож на того, кто может сделать девушке ребенка и бросить ее на произвол судьбы, – вынесла она свой вердикт, раздражая своей категоричностью.

– Я пока не услышал ничего, что могло бы меня заинтересовать, – посмотрел на часы, – осталось восемь минут, – напомнил ей.

– Твоя дочь в детдоме, и я хочу ее забрать! – в фиалковых глазах блеснули слезы. – От тебя мне ничего не нужно, только помоги оформить опеку. Обещаю, больше ты о нас никогда не услышишь!

«Наконец-то стала ясна цель ее визита».

– Почему я должен тебе помогать? – откинувшись на спинку кресла, я внимательно следил за реакцией девушки.

– Мне не должен, помоги Лизе – она твоя дочь, – уверено продолжала попрошайка настаивать на своей придуманной лжи.

Услуги адвоката стоят дорого, тем более адвоката, который все свои дела выигрывает. Неужели эта девица надеется меня обмануть и заставить работать на нее бесплатно? Вряд ли! Кто-то за всем этим стоит...

Хотелось выяснить, кто же мать «моей» дочери, сколько ребенку лет и почему она в детдоме, но показывать свой интерес не стоило. Может, эта девица на чем-нибудь проколется, и я спокойно выставлю ее за дверь, не испытывая мук совести.

– Ты мне поклянешься на конституции, что говоришь правду? – серьезно задал стебный вопрос.

– Штаны при этом снимать надо? – глядя мне прямо в глаза, серьезно спросила она.

– Что? – не понял я вопрос.

– Ну, не знаю, вдруг тебе еще захочется при этом полюбоваться на мой голый зад. Издеваться, так по полной. Вам, богатеям, все с рук сходит, – ее фиалкового цвета глаза смотрели на меня в этот момент с ненавистью.

– Любоваться там нечем, поверь. Тебя год, как минимум, откармливать надо, чтобы на кости мясо нарастить. – теперь в глазах девицы вспыхнула злость. Ее реакция мне понравив-

лась.

– Я сюда пришла не обсуждать недостатки моей фигуры, а обсудить будущее твоей дочери! Если ты не сможешь мне забрать Лизу из детдома, я отправлюсь к твоей жене и все ей расскажу, – перешла эта попрошайка к угрозам.

– Не смею задерживать, – засмеялся, расслабляясь в кресле. Напряжение, сковавшее затылок стало отступать. – Пошла вон отсюда! – грозно, но тихо произнес я.

– Хорошо, – спокойно ответила девчонка, поднялась на ноги, быстро скрутила волосы в узел и нацепила кепку. – Думаю, твоя жена обрадуется, узнав, что любовница, из-за которой чуть не распался ваш брак семь лет назад, подарила тебе дочь, о которой так долго мечтала Мария Евгеньевна, – открыв дверь, она обернулась.

Вот значит, кого напоминала мне эта пигалица. Похожи! Только у этой цвет глаз более насыщенный, яркий...

– Стой! – заорал так, что Инга у себя на стуле подпрыгнула, а эта даже бровью не повела. – Закрой дверь!

– Ты «пожалуйста» забыл добавить, – и не думая слушаться, она стояла у распахнутой двери и испытывала мое терпение.

Соскочив с кресла, преодолел в два шага расстояние и захлопнул створку. От раздавшегося возле ее уха грохота девица поморщилась, но в уголках губ угадывалась довольная улыбка.

«Радуетесь, что смогла вывести из себя?!»

– Сядь обратно, – бросил, не глядя на нее. – Фамилия? – спросил, подходя к столу.

– Чья?

– Любовницы!

– Никитина.

Я уже знал, чью фамилию сейчас услышу, но все равно меня внутренне передернуло, внешне я старался этого не показать.

Наверное, когда она открыла свой рот и начала рассказывать о «моей дочке», я был готов к чему угодно, но только не к этому.

Я рано начал жить половой жизнью, и если бы девица заявила, что у меня есть пятнадцатилетняя дочь, был бы меньше шокирован. Достав из ящика стола ключи от соседнего кабинета, схватил мобильник и направился к двери.

– Сиди здесь! Рыпнешься, и тебе никто не поможет!

Глава 2

Катя

Ох, божечки! Как же от страха ноги трясутся! Хорошо, что этот «папаша» ушел! Или нехорошо?..

А еще говорят, что диктаторами бывают люди маленького роста. Вот, пожалуйста, наглядный пример, что это теория неверна! В этом Алмазове почти два метра роста, а его умению подавлять и подчинять Наполеон и Гитлер бы позавидовали!

Оксана рассказывала, что он жесткий, но порядочный мужчина. Вот правильно говорят: «Любовь слепа». Хотя, подчиненные, которых удалось за эти дни подслушать в кафе напротив, о нем уважительно отзывались.

И куда он сейчас отправился? Понятно же, что фамилию сестры сразу вспомнил. Этот сумасшедший, наверное, заказывает билет жене в дальние страны, чтобы я до нее не добралась. Придурок!

«Докатилась до шантажа, Никитá!» – напомнила о себе совесть. – «Ну и ладно, лишь бы Лизу забрать из этого ада».

Оглядев себя придирчивым взглядом, подошла к залитому дождем окну и попыталась рассмотреть лицо. Под каким углом ни смотри, ничего не видно! Только зря поднялась со стула.

И вообще, утром в туалете глядела на себя, хватит! Не ду-

маю, что пешая прогулка и один съеденный пирожок улучшили цвет лица и смогли убрать круги под глазами.

Я не чувствовала холода, но влажные вещи доставляли дискомфорт. Обнюхав себя, убедилась, что пахнет от меня только легким, почти неуловимым ароматом дезодоранта.

За три дня, проведенных в Москве, весь скудный гардероб запылится и помялся. Умываться приходилось в туалетах, спать на вокзалах, ничего удивительного, что выгляжу я не айс. Из чистого осталось только два комплекта белья, а постирать мне вещи негде...

Интересно, у меня всегда был хороший нюх, или сейчас обострился от голода?

Подойдя к двери, уверенно ее распахнула. Брюнетка, что утром грудью встала на защиту кабинета босса, резко обернулась.

– Тебе нельзя выходить! – попыталась секретарь вновь включить режим командира, забывая, что слушаться я не умею.

– Это мне? – проигнорировав ее выпад, указала кивком головы на чашечку кофе и две конфеты. – Спасибо, – мило, как я надеялась, улыбнулась. Не дожидаясь ответа от ошарашенной помощницы, подняла чашку и блюдце со сладостями. – Не переживай, я не сбегу, – возвращаясь обратно в кабинет, успокоила девушку.

Поступила некрасиво, но потерять сознание от голода совсем не хотелось. Попроси я ее вежливо, получила бы отказ.

После утренней стычки, из-за которой ей еще влетело от Алмазова, она бы мне, кроме яду, ничего не предложила.

Прежде чем сделать глоток, вдохнула полной грудью аромат свежесваренного кофе.

Вкусно, но уж очень быстро закончился горячий напиток, а конфеты и вовсе не поняла, как съела, зато хоть немного согрелась.

Выйдя вновь из кабинета, смущенно протянула чашку с остатками гущи помощнице Алмазова.

– Спасибо, – искренне произнесла, но брюнетка на это только недовольно поджала губы. – А конфет больше нет? – набравшись наглости, решила я поклянчить сладости.

Судя по ее возмущенно-округленным глазам... закончились.

«Не очень-то и хотелось!»

Оставалось только гордо удалиться в кабинет, хотя под раздражающим взглядом этой фурии возникло желание поежиться. Это она только рядом с Алмазовым строит из себя запуганную овечку или, возможно, реально боится этого деспота. Может он одним взглядом и тихим тоном нагнать ужаса.

Интересно, где его этому обучали? Сходила бы тоже на курсы. Хотелось бы мне одним своим видом и тоном нагнать жути на директрису детдома!

«И сколько мне тут сидеть? Пока они все вещи не перевезут в другую страну?» – устав ждать, мысленно пошутила.

Я понятия не имела, где живет чета Алмазовых, да мне это было и не интересно. Единственное, что помнила по рассказам Оксаны – приблизительный адрес ее места работы, фамилию отца Лизы и то, что он оказался женат на Марии Евгеньевне.

Как только супруга узнала об измене благоверного, устроила скандал, дело чуть не закончилось разводом.

Оксана, конечно, надеялась, что их любовь победит, они смогут пожениться и жить счастливо, но Алмазов передумал! Покаялся перед супругой, выпросил прощения и вернулся в лоно семьи. Бывшую любовницу уволил, помог собрать вещи, дал немного денег и отправил из Москвы в родные пенаты – Ставрополь.

Предательство любимого убило сестру! Только ради счастья Лизы я смогла переступить через свои чувства и обратиться к нему за помощью! Надеюсь, это в первый и в последний раз. Пусть только поможет оформить опеку над племянницей, и наши дороги навсегда разойдутся.

Долго мне еще тут сидеть?

Покрутила головой в поисках настенных часов, но их в кабинете отыскать не удалось. Батарейка на телефоне еще вчера села, а зарядить я ее не смогла – рюкзак остался в камере хранения. Будь он со мной, нашла бы, чем заняться. За это время могла бы уже телефон зарядить!

В этом кабинете все шкафчики оказались заперты на замок, даже книг за стеклянными дверцами было не достать.

Я еще утром успела здесь все осмотреть. Интересно, это издержки профессии или бзик адвокатишки?

Взяв со стола лист белой бумаги и карандаш, принялась рисовать. Пальцы уверенно водили грифель по бумаге. Четкие штрихи стали приобретать форму и размер. Уже сейчас можно было догадаться, что это изображение алмаза. Рисование всегда помогало мне расслабиться, перенести на бумагу негативные эмоции, но зачем изображать этот драгоценный камень?

Идея, которая настойчиво лезла в голову, мне не нравилась, но я ей уступила.

Дорисовав «алмазный дождь», я подписала свое творение: «Каждому свое». Но вместо того, чтобы оставить рисунок на видном месте, смяла его и выбросила в мусорную корзину.

Ничего этот рисунок не значит. Всего лишь помог убить время и отвлечься, выплеснуть свои невеселые мысли на бумагу.

Каждому свое – мне вернуть Лизу, а адвокатишке спокойствия в семье и дальнейшего процветания!

– На выход! – резко открывшаяся дверь заставила испуганно вздрогнуть, а яростный тон разозлил.

«Подождешь, командир!» – не оборачиваясь, подумала про себя.

– Быстро! – продолжал он отдавать грозные приказы у меня за спиной.

Нацепив на лицо блаженную улыбку, устала на кар-

тину, висевшую над креслом владельца кабинета. Понятно, что это не шедевр мировой живописи, скорее всего, работа молодого, но талантливое художника.

«Вечерний морской пейзаж...» – принялась я мысленно разбирать картину.

– Ты меня не слышишь?! – нависнув надо мной, грозно пробасил Алмазов.

Пожелав себе удачи, подняла голову и, не стирая с лица блаженной улыбки, уставилась на него. Такого он точно не ожидал, поэтому и не знал, как реагировать на мой «финт». Его темные брови удивленно выгнулись. Мне казалось, я слышала, как скрипели работающие во всю мощь извилины.

– Красиво, – произнесла я восторженным голосом, кивая на морской пейзаж.

«Ну вот, Алмазов, думай теперь, кто сидит перед тобой: хамоватая пацанка или восторженная дуручка?»

– Так что ты говорил? – поднимаясь на ноги, холодно поинтересовалась, чем еще больше заставила его напрячься.

«Никита', ты не перегибай только», – предупредил меня внутренний голос. – «А нечего на меня орать», – ответила сама себе.

– Ты где остановилась? – уже спокойнее спросил меня владелец кабинета.

«И что мне ему ответить? Правду?..»

Глава 3

Роман

– Забыла? – иронично спросил ее, когда пауза бессовестно затянулась.

– Почему забыла? – пожалала она спокойно плечами, но ответить и не подумала.

– Сними ты уже эту кепку! Здесь дождя нет! – сам стянул с нее головной убор, ведь пигалица проигнорировала мое требование, а разговаривать, не видя глаз собеседника, очень неприятно.

Волнистые густые волосы, упавшие на плечи, доходили ей почти до середины спины.

«Подстриглась бы лучше, наверняка они ей мешают, иначе зачем прятать?!»

«Не стоит состригать, ей идут длинные локоны».

«Да мне до одного места должно быть, что ей там идет! Что, вообще, за мысли лезут в голову?!»

– Отвечай, где остановилась?! – процедил сквозь зубы.

– Кепку верни! – в тон мне произнесла она.

«Смотри на нее!» – эта фраза не впервые сегодня чуть не сорвалась с уст.

– Где ты остановилась? – схватив ее за руку, ощутимо встряхнул. – У меня нет времени играть с тобой в игры!

«Без присмотра ты у меня больше не останешься, Фиал-

ка!»

Ее глаза, так похожие на глаза сестры, поднимали во мне бурю гнева.

«Сколько мужиков им удалось соблазнить своим бледным взглядом?»

– Я жду! – и не думала она мне уступить. Протянув ладонь, Никитина ждала, когда я опущу в нее кепку.

«Хм!»

– Она тебе больше не понадобится, – открыв дверь, выбросил влажный кусок тряпки в приемную.

«Не хватало только менингитом заболеть!»

– Инга, выброси в мусор! – отдал распоряжение и, захлопнув створку, повернулся к Никитиной.

Ее ненависть во взгляде не пугала, не трогала. Я испытывал к ней схожие чувства.

– Даже не думай! – прикрикнул на нее, заметив хищный блеск в глазах. – Ноутбук дороже, чем твоя старая кепка, а информация, что хранится в нем, дороже твоей жизни!

– Привык все мерять деньгами? А твоя жизнь, наверное, бесценна? – ухмыльнувшись, она отвернулась и направилась на выход. В этой пигалице нашлись силы оттолкнуть руку, когда я попытался ее задержать.

Выйдя в приемную, она подошла к мусорной корзине, вытащила свою старую поношенную кепку, отряхнула ее и, не оборачиваясь, ушла.

Инга удивленно таращилась на меня. Я и сам до конца не

мог понять, что сейчас произошло. Моя реакция на эту Никитину неувидительна, я был уверен, что в той истории поставлена жирная точка. Но девушка словно специально провоцирует, подогревает мою злость! Не привык, что мне перечат, а в этой пигалице, стоит признать, стальной несгибаемый стержень и полное отсутствие страха!

– Перенеси встречу с Дробышевым на два часа дня, – отдал приказ Инге и поспешил за Никитиной. Пока не избавлюсь от нее, не выпущу из поля зрения!

Догнав попрошайку на улице, схватил за плечо и развернул к себе.

– Твоя помощь мне больше не нужна, отвали! – зло процедила она и попыталась вырваться резким движением из захвата, предвидев такой поворот, сделать я ей этого не позволил.

– Помощь нужна... – мысленно выругавшись, пытался вспомнить, как звали девочку.

– Твоей дочери! Даже не потрудился запомнить ее имя! – пренебрежительно усмехнувшись, вновь рванулась из моего захвата. – Я ее все равно не оставлю, а ты катись!.. Зря я к тебе обратилась!

Ее волосы окончательно намочил дождь, кепку она забрала, но надевать не стала. Я видел, как слезы на ее лице смешивались с каплями дождя и мокрыми дорожками стекали на куртку. Что-то в этот момент в душе шевельнулось, но, подавив в себе чувство жалости, холодно произнес:

– Ты уже обратилась, – взяв ее за руку, хотел отвести к машине, но в этой щуплой пигалице нашлись силы, чтобы мне пытаться противостоять. Пришлось перекинуть через плечо и тащить так.

«Совсем ничего не весит» – подумал я.

Заметив охранников, вышедших покурить на крыльцо и с любопытством наблюдавших за нами, загнал их внутрь одним недовольным взглядом.

Хорошо, что в автомобиле кожаный салон – мы изрядно успели промокнуть под проливным дождем. Я уже собрался вернуть строптивнице вертикальное положение и почву под ногами, как ощутил ее зубы, сжимающие участок кожи на спине, до которого смогла дотянуться.

– Еще раз укусишь, – зашипел я зло, поморщившись от обжигающей боли ниже лопатки, – я тебе ногу отгрызу!

– А ты опусти меня на землю! Я с тобой никуда не поеду!

– Этот вопрос не обсуждается, – зло проговорив, запихнул ее в машину. – Только попробуй покинуть салон, поедешь в багажнике, – сцепившись с ней взглядом, ждал, когда она уступит.

«Ведьма!» – пришлось подавлять в себе дикое желание ее придушить! Не сдается!

Хлопнув дверью своего внедорожника, обогнул капот и сел за руль.

– Если ты сейчас не скажешь, где остановилась, можешь

попрощаться со своими вещами, – поставил ее перед фактом.

Заведя двигатель, медленно стал выезжать с парковки. Заметив, что Никитина зябнет, включил печку.

– Отвези меня на вокзал, – глядя в боковое окно, произнесла она. Сидела Никитина прямо, ее напряженные плечи не касались спинки автомобильного кресла.

– Если пообещаешь уехать сегодня же и больше никогда не возвращаться.

– Сегодня уехать не получится, у меня билет на завтра.

– Тогда твои планы меняются. Вечером обстоятельно обо всем поговорим, – отрезал я.

– Я не хочу, – продолжала она упрямиться.

– Твои хотелки меня не волнуют. – придется ее запереть в квартире, чтобы не сбежала.

– Как тебя зовут? – равнодушно поинтересовался, когда молчание затянулось. В принципе, могла бы и не отвечать, мне было все равно, как ее там зовут.

– Никитá... Никитина Катерина, – поправила она себя.

«Никитá?» – удивился я, но высказываться не стал.

– На вокзал меня отвези, – продолжала она гнуть свою линию, не отрывая взгляд от бокового окна.

– Я разве не сказал? Мы едем ко мне, – медленно развернувшись, она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

– С Марией Евгеньевной собрался познакомиться?

– Нет, – жестко отрезал, не вдаваясь в объяснения.

– Я с тобой никуда не поеду.

– Ты уже едешь.

– У меня вещи в камере хранения, – негромко проговорила она. Ее покладистость меня не обманула. Неужели надеется сбежать?

– Хорошо, адрес называй, сейчас заберем.

Никитина, назвав адрес вокзала, расслабилась и откинулась на спинку сидения. Точно что-то задумала.

– Ключ дай, – холодно произнес, останавливаясь на парковке.

Никитина заметно напряглась.

– Я жду, – постукивая пальцем по рулю с секундным интервалом, заставляя ее нервничать еще больше.

– Я сама схожу, – голос Катерины от волнения стал ниже и тише.

– Ты же не хочешь, чтобы я принялся тебя обыскивать? – обвел насмешливым взглядом спрятанную в бесформенную одежду фигуру. Красивая мордочка – это все, чем ей стоит гордиться. Не думаю, что под этим хламом можно отыскать женские формы.

– Даже не думай! – зло прошипела эта ведьма.

Невероятный цвет глаз и красивый рот с полноватой и словно карандашом на тон темнее очерченной нижней губой заставляли задерживать на ее лице взгляд. Когда-то почти такие же яркие глаза смогли меня обмануть!

Никитина Катерина – девчонка смазливая, не будь она

сестрой Оксаны, я бы... Нет!

– Поверь, в тебе нет ничего, что способно меня привлечь, – насмешливо произнес, пряча свои мысли за грубым тоном. Если я надеялся ее задеть, то потерпел фиаско. Реакцией на мои слова было равнодушное пожатие плеч. – Ключ, я сказал! – что-то заставило ее прекратить споры и послушаться. Вытащив из внутреннего кармана пластиковый ключ, она протянула его мне.

– Номер ячейки?

– Пятьдесят три, – отворачиваясь, негромко произнесла Катерина.

– Не вздумай сбежать! – выходя из машины, предупредил ее. Доверять я Никитиной не мог. – Не забывай, что ты засветилась на всех камерах... – дальше пусть сама додумывает.

Забрав ее рюкзак, быстро проверил содержимое. Кроме немногочисленных вещей и средств гигиены обнаружил севший мобильный телефон и личный дневник. Читать не стал – времени нет. Документы и деньги, значит, при ней.

Покидая здание вокзала, почувствовал, как в нагрудном кармане пиджака вибрирует сотовый.

– Да, – взглянув на дисплей, принял звонок.

– Она говорит правду? – встревоженно звучал голос на том конце провода.

– Я не знаю. Можно достать на черном рынке «сыворотку правды» и получить быстрый результат, но лучше предо-

ставить мне время во всем спокойно разобраться. Не дергай меня. Как только что-нибудь выясню, сам наберу.

– Ладно.

– Давай, – сбросив вызов, поспешил к автомобилю.

Дождь лил стеной, от холодных струй невозможно было укрыться даже под зонтом, порывы ветра хлестали влагой, вызывая дрожь в теле.

«Хорошо, что она осталась сидеть в теплом салоне».

Глава 4

Катя

Между двух зол выбрала ли я меньшее? Как теперь из всего этого выпутаться? Надо было соглашаться на предложение старого козла! Но как только представлю, что мне с ним ложиться в одну постель – становится дурно. И сколько лет придется терпеть этот ад – неизвестно.

Я надеялась, что вариант попросить помощи у отца малышки окажется если не лучшим, то хотя бы беспроегрышным: ради спокойствия в семье Алмазов вернет мне Лизу, а я вместе с племяншкой исчезну навсегда с их горизонта.

Как бы не так! Все казалось просто только в моем наивном воображении! Подонок и не думал мне помогать! Не удивлюсь, если он меня придушит по-тихому, а ночью в Москву-реку спустит с камнем на шее!

«Он же адвокат», – надежда внутри меня еще не умерла и подала голос.

«Вот-вот, лучше других знает, как избежать ответственности за преступление!» – вещала логичная сторона моего внутреннего голоса».

Что мешало покинуть мне внедорожник и сбежать? Да ничего!

Кроме его угроз...

Не сомневаюсь, Алмазов будет рад упечь меня в тюрьму.

Пожизненный срок и камера строгого режима – то, чему бы он по-настоящему обрадовался!

«Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!»

И машина у него такая же большая и страшная, как он сам! Чувствовала себя букашкой рядом с этими громилами!

Вытащив из кармана кепку, расправила ее и положила на приборную панель. Вещь дешевая и уже давно не новая, но мы ее выбирали вместе с Лизой на прошлый мой день рождения. Она несколько месяцев собирала в копилку мелочь, что я оставляла ей на сладости, хотела сделать мне подарок. Как я могла позволить Алмазову ее выкинуть?

Подняв взгляд в сторону вокзала, увидела, как Роман оббегает едущие машины, обходит спешащих куда-то пешеходов. Со стороны казалось, что он не замечает ливня, все так же уверенно движется, не сгибается под порывами ветра и холодными потоками воды.

Мне бы испытывать злорадство, а я проникалась уважением...

Закинув мои вещи на задний коврик, он открыл водительскую дверь, попытался ладонью стереть с лица и волос капли дождя, но, поняв тщетность попыток, сел за руль.

Испепелив меня взглядом, словно это я выгнала его на улицу в такую погоду, он завел двигатель и включил печку. Я успела немного обсохнуть, так что чувствовала себя вполне комфортно и всем своим видом старалась это продемонстрировать. Может, мне казалось, но чем шире становилась

моя улыбка, тем глубже обозначались морщины вокруг его рта.

«О, вот и желваки дернулись!»

«Никитá, успокойся, так недолго сорваться на истеричный хохот! Тогда он тебя точно прибьет и с камнем на шее бросит в реку!» – мысленно старалась себя вразумить, успокоить непонятно откуда появившееся веселье.

– Весело? – процедил он сквозь плотно сжатые зубы.

«Уже нет...»

– Мне позволителен только определенный вид поведенческих реакций? – подогреваемая весельем, продолжала его злить. Держаться, не улыбаться! Изо всех сил старалась выдержать серьезное выражение лица. – Так ты обозначь, как мне себя вести? В какие часы позволительно грустить, в какие рыдать, а в какие биться головой о стену, чтобы доставить тебе максимальное удовольствие.

– Хочешь доставить мне максимальное удовольствие? – плавно, словно патока, потек его голос.

«Он только это услышал?!»

«А ты, Никитá, думай, прежде чем рот открывать!» – снова вмешался голос разума.

Ругай себя не ругай: слово не воробей – вылетит, не поймешь. Нужно как-то выкручиваться... Вот же извращенец!

– Твоя падкость до низменных удовольствий меня совершенно не интересует, – как можно пренебрежительней ответила я.

– Низменных? – прищурился, он внимательно меня рассматривал, словно увидел перед собой какое-то чудо-природы. Как назло мы в это время застряли на светофоре. – Ты что, фригидная? Или тебя нормально не трахали?

«Что значит – нормально не трахали?!»

– Вижу, тебя частенько трахали, – от возмущения мой голос стал выше и тоньше, – головой о стену! С треском и шумом!

– Если бы ты могла пробудить во мне сексуальный интерес, – процедил он, недобро ухмыляясь, – я бы тебе показал, кто кого и как трахает! Вместо треска и шума ты бы орала и стонала!

– Твой интерес – последнее, что мне от тебя нужно! Даже твоя помощь по возвращению племянницы уже не требуется, воспользуюсь запасным планом. Дай только уехать, и ты о нас больше не услышишь.

– Что за запасной вариант? – свел он недовольно брови.

– Не твое дело, – огрызнулась, словно обиженный ребенок.

– Надо было думать, прежде чем врываться в мой кабинет! То, что я о вас больше не услышу, даже не сомневаюсь. Но вопрос я намерен решить лично. Хочу убедиться, что в этот раз смогу его уладить навсегда.

От его тона холод прошелся по позвоночнику, а пальцы на ногах поджались от страха.

«Он же сейчас не об убийстве говорит?»

Взглянула опасливо на Алмазова, не знаю, что я хотела понять, но мои страхи его внешний вид не рассеял. Как вообще выглядят убийцы? Кто станет утверждать, что такие красавчики не способны на преступление? Что-то все меньше и меньше я верила словам Оксаны. Она-то на него смотрела сквозь розовые очки!

Оставшийся путь мы проделали в относительной тишине. Несколько раз звонил его мобильник, но Алмазов, взглянув на дисплей, сбрасывал звонок.

Примерно через полчаса мы въехали на охраняемую территорию жилого комплекса.

– Выходи из машины и вещи свои не забудь забрать, – пристально глядя на меня, произнес он. – И без фокусов давай!

Забирать рюкзак я не спешила. Открыв заднюю дверь огромной машины, незаметно оглядела местность и будку охраны.

– Даже не думай, они тебе не помогут, – насмехаясь, произнес он за спиной. Наклонился через меня и достал рюкзак. – Идем, – захлопнув дверь, взял за локоть и потащил за собой.

Элитная квартира, в которую мы поднялись, находилась на седьмом этаже.

«Жилье новое и холостяцкое». – обведя взглядом дорожный ремонт, подумала я.

– Разувайся и следуй за мной. Покажу тебе спальню. – не дожидаясь меня, он скинул туфли и углубился внутрь квар-

тиры.

Минимализм во всем, и это не только о дизайне интерьера. Вешалка в прихожей была пуста, словно ей никогда не пользовались. В доме не увидела ни одной картины, статуэтки, даже паркетные полы были без ковров, а если зимой отопление в доме отключат?

Из мебели пока заметила только большой кожаный диван в гостиной и почти на всю стену телевизор. Хорошо, что хоть занавеси на окнах имеются, а то чувствовала бы себя как в аквариуме.

Зато света в квартире было много! Огромные окна, всевозможные люстры, светильники, подсветка на потолке...

В одну комнату дверь была закрыта, а вот в другой, попавшейся мне на пути, совсем отсутствовала мебель.

Алмазов стоял возле дальней двери и ждал, когда я подойду.

– Будешь спать здесь, – входя в единственную обставленную комнату, недовольно проговорил мой похититель. – Я пока переберусь на диван.

– Ты собираешься жить вместе со мной?! – опешила я от заявления Алмазова.

Судя по его выражению лица, он был моим вопросом обескуражен не меньше.

– С чего ты взяла, что я собираюсь с тобой жить? Это всего на два дня, послезавтра мы летим в Ставрополь.

– Летим?! В Ставрополь?! – глубоко во мне начиналась

зарождаться паника. Я ужасно боюсь высоты! – Я поеду поездом!

– У меня нет времени колесить по стране, – равнодушно произнес Алмазов, а я не стала спорить. Не осталось сил на эмоции, очень устала в последние дни.

– Вечером обо всем поговорим, сейчас у меня много дел, – отвернулся он к шкафу, встроенному в стену, достал чистые сухие вещи и прошел мимо меня в комнатку напротив.

«Душевая». – отметила для себя. Я бы тоже не отказалась погреться под теплыми струями воды.

«Мне что, тут все время стоять? Ждать, когда он выйдет?»

Сесть было некуда. Светлое чистое покрывало пачкать не хотелось. Вытащив из рюкзака шнур и телефон, нашла розетку и поставила мобильный на зарядку.

Алмазов вышел из ванной комнаты. Мужской парфюм коснулся обоняния... Я же почувствовала себя в этот момент замарашкой. Выглядел он так, словно только что побывал у модного стилиста.

«Вот такие вот экземпляры и портят жизнь порядочным девочкам! Глаза бы мои на него не смотрели!»

Сделав шаг, он неожиданно остановился. Мне не нравилось, что я на него таращусь, резко опустила глаза в пол и принялась считать до десяти, чтобы унять непонятно откуда взявшееся волнение. Алмазов вошел в спальню и встал напротив, но я упорно делала вид, что разглядываю глянцевый паркет.

Тепло чужих пальцев неожиданно обожгло подбородок. Подняв мое лицо, Алмазов вынудил смотреть ему в глаза. Он буквально навис надо мной. Под пристальным опасным взглядом казалась, что я становлюсь меньше ростом.

– Я не ошибусь, если предположу, что наша ненависть взаимна? В наших интересах разойтись мирно. Один проступок, и я перестану быть благородным. Поняла? – в голосе Алмазова звучала угроза. В этот момент я почувствовала вибрации его гнева, разумнее всего было согласно кивнуть.

Больше ничего не сказав, он убрал пальцы от моего лица и направился по коридору к входной двери.

– Можно мне воспользоваться кухней? – выбежав за ним, прокричала в закрывающуюся дверь. Ответом мне стал щелчок поворачиваемого ключа в замке.

Катя

«Отвратительный тип! Почему именно он должен был стать отцом Лизы?!»

Деспот ушел, можно было уже не стесняться: опустившись на голый пол, принялась перебирать вещи в рюкзаке.

Деловой костюм и блузку стоило постирать. Собиралась в этом наряде сегодня отправиться на встречу, но один непорядочный водитель окатил меня из лужи, пришлось переодеться в то, что еще оставалось чистым.

Отыскав нижнее белье, отложила его в сторону. Вытряхнув все содержимое, убедилась – переодеться мне не во что.

«Извини, Алмазов, вынуждена позаимствовать у тебя футболку» – поднимаясь на ноги, подумала я.

Открыв шкаф, прошла взглядом по полкам и еще раз убедилась, что это жилье холостяка! Ну, или как в случае Алмазова, квартира, в которую он водит своих любовниц, а жена ждет его дома с пирожками и борщом.

Выбор пал на светло-серую футболку. Развернув вещь, осталась довольна – длина мне до колен. Собрав свой пыльный гардероб, отправилась на поиски стиральной машины...

Стирать пришлось на руках – порошка в доме не нашлось!

Найдя на балконе сушилку для белья, развесила свои нехитрые пожитки, нижнее белье спрятала в середине. Отжать на руках вещи сил не хватило, придется потом несколько часов подтирать лужи.

Разгуливать по чужой квартире в одном белье было опасно, вдруг вернется владелец, но надевать чистую футболку пока не хотелось – сначала душ!

«Какое блаженство ощутить на себе почти горячие струи воды!»

В душе я провела не меньше часа. Успела за это время не только согреться и искупаться, но и исследовать все опции кабинки. Самая приятная и полезная функция – гидромассаж! Если бы не голод, грозивший мне обмороком, я бы отсюда, наверное, до возвращения Алмазова не вылезла!

Быстро одевшись, замотала волосы в полотенце на манер тюрбана и отправилась в кухню. Роман не дал разрешения

хозяйничать в кухне, но ведь и не запретил. Значит, без зазрения совести могу рыться в его запасах, и все, что мне приглянется, не стесняясь, съем.

«Похитил, пусть кормит!» – с таким девизом вошла в просторную шикарную кухню.

Да!..

Шкафов много – толку мало! Эта кухня словно была создана для любования. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – ею не пользуются. Все такое дорогущее... и совсем нетронутое!

В морозилке пусто! В холодильнике две банки тушенки и десяток яиц. Что-то не представляю, чтобы Алмазов ел такую еду...

«Ура, в этом доме есть соль и черный перец!» – обрадовалась я, найдя полные баночки.

На барной полке небрежно лежал пакет из «Пятерочки», такое ощущение, что он сюда попал случайно. Не вписывался он в идеально чистую кухню. В пакете лежали манка, рис и макароны.

«О счастье, я сегодня не умру с голоду! Отварю и обжарю макароны с тушенкой!»

Под барной стойкой находился специально оборудованный под напитки шкаф. Жаль, что я не люблю спиртного, этого добра здесь было в изобилии.

Что делают люди, когда плотно поедят? Правильно, их клонит в сон, и я не исключение. Мешало расслабиться и

уснуть мое богатое воображение. Все это время я не переставала думать о нас с Лизой. Поможет ли Алмазов забрать племяншку?

Он не спросил об Оксане, не поинтересовался дочерью, а его предупреждение, что обо всем поговорим вечером – не успокаивало. А если ночью он планирует со мной расправиться?..

Нет, так просто сдаваться я не собиралась. Надо что-нибудь придумать... Камеры в этом доме точно есть. Если со мной что-нибудь случится, Алмазов от ответственности не уйдет! В случае моей смерти квартиру обязательно станут обыскивать. Надо оставить какие-нибудь зацепки для полиции.

«Записки!»

Первое послание оставила на страницах личного дневника. Вырвав из него же несколько страниц, принялась переписывать текст.

«Я – Никитина Катерина. Мне 19 лет. Живу в городе Ставрополе по адресу ул. Мирная 28.

Я очень люблю жизнь! Умирать не собираюсь, у меня далеко идущие планы на будущее. Обожаю свою племянницу Лизу, которую я обязана вырастить и воспитать.

В случае моей смерти винить прошу Алмазова Романа. Он опасается, что о его внебрачной дочери узнает супруга. Алмазов даже обещал со мной расправиться».

Вроде, все понятно, до остального полиция сама докопа-

ется. Последнее предложение, конечно, чистой воды выдумка... Ладно, убирать его не буду.

Сложив послания, принялась думать, куда их спрятать... Место должно быть видное, но так чтобы Алмазов не обнаружил. Одну записку засунула в паспорт – его точно захотят проверить. Вторую спрятала во внутреннем кармане рюкзака.

Но вдруг он все это найдет?.. Где бы еще спрятать?

«В бутылке!» – пришла мне замечательная идея в голову. Поставить ее можно... Куда ее можно было поставить, я пока не придумала.

Вернувшись к бару, опустилась на пол и начала перебирать емкости со спиртным. Названия все такие мудрёные, ни разу не слышала ни одного из них.

«Вот эта, мне кажется, подойдет» – вытащив самую некачественную бутылку, подумал я.

Остальные на фоне этой выглядели красочнее и дороже.

«Montrachet Domaine de la Romanée Conti» – прочитала я название. Рассмотрев внимательно этикетку, убедилась, что мои предположения оказались верны. Это вино 1978 года? Да оно уже просроченное! Хотя, скорее всего, это дата выпуска первой партии или в этом году был открыт винодельческий завод.

Помучавшись несколько минут, открыла вино.

«Аромат приятный», – понюхав содержимое, мысленно отметила я.

Сделав небольшой глоток, подержала его во рту, выплевывать не стала...

«А ничего так...»

Вылив вино в раковину, оставила себе несколько глотков, которые выпила прямо из бутылки. Прополоскав пустую тару под краном, принялась ее сушить кухонным полотенцем. Свернула трубочкой записку и опустила ее на дно, когда капель в емкости не осталось.

От нескольких глотков вина моя голова немного кружилась, в теле чувствовалась легкость. Кое-как закрыв пробкой бутылку с посланием, стала думать, где ее оставить.

«Надо же так опьянеть от нескольких глотков!» – подумала я, направляясь в спальню. Мой мозг отказывался работать, никаких идей не подавал.

«Вот поэтому я и не пью! Обычно...»

Где спрятать тайное послание для полиции, так и не нашла, но почувствовала, что прилечь мне не помешает. Немного отдохну и что-нибудь обязательно придумаю.

Глава 5

Алмаз

Дождь почти прекратился. Мелкие капли, что падали с неба, урон нанести моей одежде не могли. Зонт я взять забыл, не до него было. Понимал, что необходимо успокоиться, отпустить ситуацию и обо всем трезво подумать. А я злился. Злился не только на Никитину, но и на себя.

Творится не пойми что! Стоит мне приблизиться к ней, коснуться, поймать взгляд, и я хочу ее попробовать! Всю!

Ни с одной женщиной никогда такого не чувствовал! Моему парню в штанах похрену, что Никитина враг!

Она не Оксана. Внешне даже не очень похожи, а характеры и вовсе разные. Старшая сестра была покладистая, улыбчивая, смущенно опускала глаза, когда я делал ей комплимент. Да и чего себе лгать, была более женственна и сексуальна.

А эта? Выглядит как мальчишка, ругается, дерзит. Даже свою смазливую мордашку спрятала под кепкой. А одевается? Эти тряпки сжечь надо. В таком одеянии только нечисть изгонять! Еще из-за этой кепки расстроилась... Задела своими слезами за живое. Хотелось ее в тот момент успокоить... поцеловать. Сдержался. Когда-то я уже попался на эту удочку...

Оксана... Семь лет назад я был уверен, что впервые влю-

бился. Всегда окруженный красивыми женщинами, пресыщенный их вниманием, не смог пройти мимо молоденькой скромной девушки. Как же я ошибся! Но даже к ней меня так не тянуло, как к этой непокорной заносчивой девице!

Звонок мобильного прервал мои воспоминания.

– Слушаю вас, Ольга Николаевна, – принял вызов.

– Роман Георгиевич, я вас отвлекаю? – взволновано заговорила моя домработница. Добродушная женщина своей излишней вежливостью порой напрягала.

– Нет-нет, что вы.

«Если вы быстро обрисуете мне проблему, буду очень благодарен», – мысленно обратился к ней. Сказать вслух язык не повернулся, чего доброго, еще расстрою Ольгу Николаевну.

– Вы меня извините, пожалуйста, за беспокойство. Я перед работой в магазин заходила, купила немного продуктов, но в суете забыла. Яйца и тушенку в холодильник поставила, вы, надеюсь, не возражаете?

– Нет, – устало вдохнул, въезжая на парковку перед конторой.

– Я могу завтра зайти с утра и забрать свои продукты?

– Конечно, можете, Ольга Николаевна.

– Спасибо. Ну, не стану вас больше отвлекать. Всего доброго.

Попрощавшись и положив трубку, я не спешил покидать салон. Перед глазами стоял образ девочки с фиалковыми

глазами.

«Никита́!»

Только сейчас я подумал о том, что встреча домработницы и моей «гостьи» – не самая хорошая идея, неизвестно, что эта девица наговорит Ольге Николаевне. Не то, что мне было до этого дело, но и пугать женщину не хотелось, она же во мне души не чаёт, не стоит ее разочаровывать.

* * *

Старался сегодня закончить дела пораньше, не получилось. На работе все словно сговорились, даже опытные юристы с многолетней практикой обращались по какому-нибудь вопросу. Затем Максим Шефер скинул на почту срочные договора...

Встреча с Дробышевым прошла не так, как я рассчитывал. Мирно урегулировать вопрос с семейным наследством не получится, поэтому придется готовить бумаги в суд.

Одному сложно тянуть нотариальную контору и юридический отдел огромной компании друга. Отцу сейчас не до работы. Маме недавно провели операцию на сердце, восстанавливаться врачи рекомендовали за городом, на свежем воздухе, вот они и переехали на дачу.

Отцу и самому не мешает отдохнуть. Последнее время и у него появились боли в сердце, давление часто приходилось сбивать. За столько лет он впервые взял отпуск, но совсем

отстранить его от работы не получилось. Папа продолжает консультировать клиентов, контролирует все сложные дела.

Ренат мог бы взять на себя часть обязанностей в конторе, брат три года назад окончил юридический факультет, но практика его не интересовала. Получив диплом, он положил его на стол перед отцом и сказал: «Как вы и хотели, я получил высшее образование, но юриспруденция – не мое. Я не собираюсь всю жизнь гнить в конторе. Буду заниматься любимым делом».

А его любимое дело – гонки.

Этот опасный вид деятельности приносил Ренату неплохую прибыль. Брат часто побеждал, но жизнь его вечно подвергалась риску. Он два раза попадал в аварии, чудом оставался жив. Хождение по тонкой грани, вечная нехватка адреналина – в этом смысл жизни Рената. И даже ради спокойствия матери он не соглашается все бросить.

А ведь возьми он часть ответственности на себя, отец мог бы больше времени отдыхать.

«У Рената светлая голова», – говорили его преподаватели. Жаль, что эта «светлая голова» никак не повзрослеет!

У мамы перед операцией возникла идея его женить. Надеется, что ответственность за семью поможет ему остепениться. Я был против. Серьезная девушка связать жизнь с таким парнем не захочет, а те девицы, что ежедневно выпрыгивают из постели Рената, не для семьи.

Полвосьмого я наконец-то покинул рабочий кабинет. За-

ехал в ресторан, забрал заказ. Чувствовал себя муذاком, совсем из головы вылетело, что в квартире нет еды. Оставил голодную девушку взаперти! Еды взял много, Фиалка наверняка голодная. Не похоже, чтобы она себя баловала.

В пути мне позвонил знакомый, который обещал нарыть информацию на Никитиных. Выяснил он немного, но обещал позвонить, как только узнает еще что-нибудь. Оксана умерла при родах...

Что я почувствовал? Ничего. Эта женщина много лет назад сделала все, чтобы, кроме ненависти, я к ней ничего больше не испытывал. Прошло время, и я о ней забыл...

Мне нужно было удостовериться, что Никитина говорит правду! Врать убедительно в этой семье умеют! Поговорю с директором детдома, сделаю анализ ДНК, и если он подтвердится...

Не знаю, что буду делать. Оставить Лизу в детском доме? Отдать чужим людям? Нет! Если в девочке течет моя кровь, она получит все, что ей полагается: в деньгах они не будут нуждаться. Смогут ездить отдыхать, а девочка получить образование. Но жить они останутся в Ставрополе и никогда не смогут стать частью моей жизни. Хотя я намерен прилетать к ним и следить за воспитанием Лизы.

Задачей Кати будет заниматься девочкой. Благодаря Лизе она получит билет в безбедную жизнь. Но если Катя солгала, сядет за мошенничество!

Где-то в душе я чувствовал, что она сказала правду.

Почему Никитина раньше не обратилась за помощью? Или она вместе с Лизой воспитывалась в детском доме? Насколько я помню, родители Оксаны погибли, когда она еще училась в институте.

Вопросов было много. В интересах Фиалки рассказать мне правду.

«Прицепилось же к ней это дурацкое прозвище – Фиалка!»

Вернулся домой усталый и не в самом хорошем расположении духа.

В квартире стояла идеальная тишина, свет нигде не горел. Сердце тревожно сжалось. Возникло подозрение, что Никита сбежала. Не удивлюсь, если она в кармане носит отмычки!

Не разуваясь, отправился на ее поиски. Включив свет в спальне, увидел пропажу на своей постели. Катя недовольно поморщилась, но не проснулась.

Картина, представшая перед глазами, вызывала дикое желание ее взять! Фиалка лежала в моей футболке... ткань, пропитанная моим запахом, касалась ее тела...

Сцепив зубы, выматерился вслух! В моем воображении я уже находился между ее белоснежных бедер!

Неконтролируемый шаг, и я стою над нею. Тяну руку к футболке, мне хочется убедиться, что на ней есть нижнее белье...

Приказал себе остановиться. Рука застыла в каких-то сантиметрах от ее тела. А вот смотреть я себе запретить не мог.

Взгляд медленно скользил по длинным стройным ногам, тонкой талии, хрупким плечам, волосам, что разметались по подушке и оттеняли ее немного бледный цвет лица. И попа у нее все-таки есть! Под хламидой ее можно было спрятать, а вот под тонкой тканью легко угадывалась: круглая, небольшая, но для ее роста и комплекции в самый раз.

Красивая зараза!

– Не будь ты Никитиной, этой ночью мы бы не уснули! – раздраженно произнес вслух и направился к шкафу. Пока мне приходится бороться со своим желанием, она спит, как младенец!

Достав домашний костюм, стал переодеваться прямо в спальне. Пусть просыпается и застает меня без одежды! Интересно, испугалась бы? Немного изучив ее характер, предположил, что не испугается, а примется швырять все, что ей попадется под руку.

Я не возражал, был бы только рад усмирить эту дикую кошку, увидеть в ее фиалковых глазах огонь желания. Но, несмотря на шум, она продолжала дрыхнуть!

Захлопнув дверцу шкафа, наклонился за туфлями, Фиалка во сне пошевелилась, и мой взгляд зацепился за бутылку. Хватило доли секунды, чтобы понять, какое вино она приговорила! Зло выругавшись, отпихнул туфли и подошел к кровати.

Бутылка оказалась пустой! Она в одиночку выпила вино стоимостью двадцать тысяч баксов!!! Я весь день работал, а она разграбляла мою коллекцию. Придушить бы ее и выкинуть в окно! Интересно, и часто она так напивается? Да никакого ребенка эта пьяница у меня не получит! Как можно ей доверить воспитание девочки?

«Сейчас ты у меня проснешься!»

– Подъем, пьяница! – прокричал я. Никитина и не думала открывать глаза, залезла под подушку, обхватив покрепче бутылку. Если прикоснусь к ней, точно задушу!

Вылетев из спальни, ворвался в кухню, набрал стакан холодной воды. Заметил на всегда пустой плите сковороду.

«Ну, хотя бы закусывала!» – подняв крышку, подумал я.

Зря меня совесть мучала, Никитина здесь не голодала. Она не только мою коллекцию уничтожала, но и продукты Ольги Николаевны.

Отставив в сторону стакан, достал телефон и набрал домработнице.

– Ольга Николаевна, добрый вечер. – выслушав приветствие на другом конце, продолжил объясняться: – Извините, пожалуйста, ко мне днем брат заходил, он не знал, что это ваши продукты, и приготовил себе из них обед, – убедительно произносил ложь. – Если вы не возражаете, я перечислю вам на карточку две тысячи рублей.

– Нет-нет, что вы, это много!

– Я настаиваю. Пусть это будет небольшой компенсацией

за неудобства, вам же снова придется идти в магазин. Спасибо за понимание, Ольга Николаевна, я прямо сейчас переvedу вам деньги. До свидания.

Отправил деньги, взял стакан с водой и направился будить Спящую Красавицу.

– Не встанешь, оболью холодной водой! – отобрав подушку, жестко проговорил у нее над ухом. Если она сейчас же не протрезвеет, отправится под ледяной душ! – Никитина, подъем! – что-то во мне не позволяло окатить ее водой. Она недовольно морщилась, но глаза не открыла.

Отпив из стакана, присел на край кровати.

«Фиалка!..»

Опустив ладонь на ее ногу, медленно провел вверх. Рука добралась до ягодиц, и я несильно сжал упругую плоть, тут-то Спящая Красавица и просунулась! Подпрыгнув на постели, она как завизжит!

Игнорируя ее крик, я пялился на грудь, которая у Никитиной все же имелась. Полная двоечка! Мне даже захотелось проверить, не подвел ли меня глазомер.

– Ты что себе позволяешь?!

– Пьяные бабы меня не возбуждают, так что расслабься и не ори! Не хрен валяться полуголой перед мужчиной.

– Я?! Да ты!.. Я не валялась, я спала!

– А еще ты выхлебала бутылку вина стоимостью двадцать тысяч долларов. Теперь ты мне должна точно такую же!

– Двадцать тысяч?! Да ты врешь все! Его не в баре надо

было хранить, а в сейфе! Я тебе не верю.

– Поверь. Пока не купишь, ты в долговой кабале!

– Да мне за все мои внутренние органы столько не дадут!

– Я могу найти донора на одну почку, и мы в расчете! – весь наш диалог проходил на повышенных тонах, неудивительно, что шутки она не поняла.

Испугалась. Фиалка верит всему, что ей говорят? Мог бы заржать, но было как-то не до веселья.

– И Лизу ты не получишь, я не собираюсь с пьяницей оставлять ребенка! – безапелляционно заявил ей.

– Я не пила! – правдоподобно возмутилась Никитина.

– Верю, – кивнул я на пустую бутылку, с которой она спала в обнимку. – И как часто ты не пьешь?

– Я не пила!!! Слышишь?! Я его в раковину вылила! Сделала пару глотков, а все остальное вылила в раковину, честно!

Определить, что я в тот момент почувствовал, было сложно. Но я точно хотел выбросить ее из окна!

Когда я думал, что она выпила без спросу коллекционное вино, меня это злило, но то, что она спустила в раковину двадцать тысяч баксов!..

– Зачем? – не своим голосом спросил я. Гнев, что сейчас бушевал во мне, она хорошо уловила, поэтому отползла подальше от меня, не замечая, что футболка на ней задирается все выше и выше...

Кроме злости я начал испытывать желание: темное, почти

неконтролируемое. Фиалка даже не представляет, что будит во мне!

Ее резкое движение смогло меня отвлечь. Катя схватила пустую бутылку и прижала ее к себе, словно родную.

– Зачем?! – повторил вопрос. Мне показалось, что я словно наблюдаю сквозь ее черепную коробку, как она придумывает оправдание.

– Просто, – ответила Катя неуверенно.

– Дай ее сюда! – не знаю, почему, но что-то в ее поведении вызывало подозрение.

Она еще крепче вцепилась в нее и замотала головой.

«Что происходит?» – не мог я понять, но был уверен, что секрет смогу раскрыть, отобрав у нее пустую тару. Схватив Никитину за лодыжку, резко притянул к себе, футболка задралась выше бедер, открывая моему взору трусики нежно-розового цвета.

«Детский сад!»

Не отрывая взгляда от тонкого хлопка, прикрывающего ее женственность, выхватил емкость из рук Кати.

Глава 6

Алмаз

Никитина заметила мой взгляд, свела вместе ноги и одернула футболку до колен. Я перевел взгляд на бутылку, поднял ее к свету и встряхнул. Скрученный в трубочку лист бумаги стукнулся о края.

Словно кобра, Никитина бросилась за тарой и попыталась ее выхватить, но куда ей до моей реакции! Я сумел вовремя поднять бутылку. Не удержавшись на коленках, девушка завалилась лицом прямо мне в пах. Даже боль не помешала мне сострить:

– Не останавливайся, Никитá. Я могу для большего удобства снять штаны, – покряхтел я, сопровождая слова болезненным стоном.

– Озабоченный! – оттолкнув меня, села обратно, убирая назад рассыпавшиеся по плечам волосы.

– Только не говори, что ты ее в океан собралась выбросить, не поверю, – тряхнул бутылкой. – Даже ты должна знать, что поблизости нет крупных водоемов. Нет, конечно, можно спустить бутылку в реку Москву, но не думаю, что приплывет по назначению.

Никитина продолжала упорно молчать.

– Я жду. Что здесь? – потряс бутылкой перед ее носом.

– Любовная записка, – уверенно произнесла она ложь,

скрещивая на груди руки. Откуда я знаю, что лжет? Чувствую!

– Кому писала? – ухмыльнулся я.

– Какая тебе разница, Алмазов? Моя личная жизнь тебя не касается! – вновь стала заводиться Катя.

– Если ты хочешь воспитывать Лизу, есть. Твой моральный облик меня очень интересует. Пока мне не хочется оставлять с тобой ребенка. Кто ты: воровка, пьяница, блудница?

– По себе судишь? Блудить – это твой грех! Как, впрочем, и пить, судя по количеству спиртного в твоём доме. Да и деньги ваша контора берет под залог чужого имущества, думаешь, я не знаю?

А вот эта было зря! В прошлом отец, и правда, брал заем под жилье. Сделки оформляли на одиноких пьющих людей. Риск был велик только вначале. Деньги запускали в оборот, и они приносили неплохой доход. Юридически ничего незаконного в этом не было, да и займы все погашали вовремя. А после кризиса в стране эти сделки, пусть и юридически грамотно оформленные, мы перестали проворачивать – можно было в любой момент погореть. Рассказать ей об этом могла лишь Оксана, но откуда об этом могла знать старшая Никитина? Лет десять как наша контора этим не занимается. Мы сейчас одна из самых крупных юридических фирм в Москве, наш легальный доход превышает в несколько раз те суммы, что приносили нелегальные сделки.

– Еще раз подобную хрень произнесешь!.. – угрожающе начал я, а Никитина уже готова была упасть в обморок.

– Даже не вздумай терять сознание! – наклонился я к ней, чтобы похлопать по бледным щекам.

– Стой, зараза! – закричал, когда эта лисица, выхватив бутылку, попыталась с ней убежать. Перехватил ее в дверях, поднял и опустил на кровать. Приземление грациозным назвать было сложно. Бутылка упала на пол, покатилась, но не разбилась. Отплевываясь от волос, она зло глядела на меня, а я в который раз за этот день захотел ее вышвырнуть в окно.

«Ведьма!»

– Сиди здесь! Только попробуй встать с кровати! – подняв бутылку, направился в кухню. Сам посмотрю, что там за «любовная записка». По дороге включил в коридоре свет.

Чтобы вытащить послание, нужно было разбить бутылку. Стоя в центре кухни, крутил головой в поисках достаточно тяжелого предмета. Набор инструментов лежал в багажнике, но спускаться за ним было лень. Вспомнил, что на балконе в тумбе лежат пассатижи.

Наступив в лужу на балконе, смачно выругался.

«Откуда в квартире вода?!» – включая свет, подумал я. – «Понятно! В машинке постирать не могла?»

Достав инструмент, замотал в полотенце пустую ёмкость, опустился на корточки перед мусорным ведром, прицельно стукнув один раз, смог извлечь листок. Стекло вместе с полотенцем выбросил в мусор.

Никитина, как ни странно, еще не ворвалась и не принялась отбирать свое послание. Развернув его, принялся читать. Не знаю, что я думал там увидеть, но точно не это!

«Я – Никитина Катерина. Мне 19 лет...

...В случае моей смерти винить прошу Алмазова Романа!...»

Жажда убийства возросла! А способы, как это сделать, Никитина сама мне подскажет, у нее же такое богатое воображение!

Вот же засранка, возмутительница спокойствия, а если бы с ней действительно что-нибудь случилось, и кто-нибудь эту хрень обнаружил?! Только этого мне не хватало! То, что это не единственная записка, догадаться было несложно!

– Где остальные?! – ворвавшись в спальню, прорычал я. Не дернулась, не испугалась. Никитина сидела на постели в позе лотоса и что-то спокойно жевала. – Повторить вопрос?! – изо всех сил старался усмирить свой гнев. Она не понимает, что за демонов во мне будит!

Помотав головой, Никитина раскрыла кулак, на котором лежал кусок изорванной бумаги. Запихнула этот клочок в рот... Теперь понятно, что она жует.

И где этой хрени набралась? Фильмов про шпионов насмотрелась или знакомые зеки поделились, как малявы жрать?

– Все сжевала или где-нибудь еще осталась твоя проза? – сдерживая улыбку, спросил я.

Смерив меня злым взглядом, она отвернулась. И вот как на нее реагировать? Мне ее то оттрахать хочется, то убить, то рассмеяться, как сейчас.

– Не обязательно их было есть. – получил в ответ еще один недовольный взгляд. – Можно же было записки сжечь, порвать на мелкие кусочки, выбросить в туалет, в мусор, да что угодно, но ты предпочла ими поужинать, – силясь не улыбнуться, дразнил я Никити́.

«Вот сегодня это прозвище себя оправдало», – веселился про себя.

– Вкусно было? Надеюсь, никакой желудочной инфекции ты не подхватишь, – притворное беспокойство в голосе легко читалась.

– Не делай вид, что переживаешь, а то, чего доброго, поверю в твою искреннюю заботу, – не осталась она в долгу.

– Я нам с ресторана еду привез, но, вижу, ты уже поужинала. Придется наслаждаться итальянской кухней в одиночестве, – серьезно произнес и направился к выходу из спальни. – Да, кстати, если ты еще не наелась, у меня одна записка осталась, могу угостить, – достав из кармана послание, покрутил в руке. Ситуация меня стала забавлять.

По ее взгляду несложно было догадаться, куда она меня послала. Выйдя в коридор, рассмеялся.

Катя

Как только Алмазов вышел из спальни, достала из-под по-

душки свои послания для полиции, разорвала листы на мелкие кусочки и поспешила в туалет. Выплюнула остатки чистой бумаги и смыла все в унитаз. Я же не дура – жевать записки. Пусть Алмазов обо мне и невысокого мнения, но никакой кишечной палочки мне не грозит.

«С вином и посланиями, вроде, пронесло. И не похоже, чтобы Алмазов собирался меня убить...»

Когда услышала звук разбивающейся бутылки, испугалась не на шутку, была уверена, что меня сейчас точно убьют. Собрав все записки, спрятала их, а с чистым листом разыграла спектакль, на который он, благо, купился. В свою удачу до сих пор поверить не могу.

Вымыв руки, направилась в кухню. Он там что-то про ужин говорил?

«Домашний» Алмазов это что-то, накрывает на стол с таким видом, словно препарирует лягушку: сосредоточенно и скрупулезно. Педант! Видно, что никогда раньше этого не делал.

– Долго мне еще пленницей оставаться? – спросила, стоя в дверях. Он даже не вздрогнул, словно о моем присутствии знал.

– Послезавтра утром вылетаем в Ставрополь, – не оборачиваясь, ответил Алмазов.

– Я не полечу! – от одной мысли, чтобы войти и сесть в самолет, тело покрывалось холодным липким потом. – Я вы-

соты боюсь! – громко заявила о своем страхе. – У меня на завтра билет есть, я поеду на поезде. Встретимся в Ставрополе.

– Нет, – равнодушно ответил он. – Полетим вместе. Я не могу себе позволить терять зря время. На завтра подготовлю документы, перед поездкой ты их внимательно изучишь.

«Какие документы? Что он еще задумал?»

– Присаживайся, – пригласил Алмазов за стол. Дождавшись, когда я сяду, сам опустился напротив. – Вино не предлагаю?

– Я не пью! – Роман скептически приподнял брови, но комментировать не стал. – А, в принципе, думай что хочешь.

– В твоих интересах, чтобы я думал о тебе хорошо, – холодно произнес он, раскладывая на тарелки еду.

Проигнорировав очередной выпад в свою сторону, принялась пробовать итальянскую кухню, приготовленную наверняка в лучшем ресторане.

«Сто лет не ела лазанью», – проглатывая первый кусочек, подумала я. Ризотто и цыпленок меня не интересовали, а вот контейнеры, в которых лежала панна котта и тирамису приковывали к себе взгляд.

– Как умерла твоя сестра? – равнодушно прозвучал вопрос, а у меня ком подкатил к горлу, слезы чуть не брызнули из глаз. Как могут люди быть такими жестокими?

– Неужели ты это не выяснил? – справившись с собой, почти спокойно спросила.

– Мне сказали, что в больнице при родах. Как это произошло?

– Не смогли остановить кровотечение, а по делу просто не досмотрели. Дежурная смена в тот день не успевала принимать роды, кто-то был на операции, а когда обратили внимание на Оксану, было уже поздно ее спасать. – изо всех сил старалась держать себя в руках, но все равно соленые капли потекли из глаз. Опустив голову, стерла ладонью слезы.

– Лиза росла в детдоме? Удивительно, что ее никто не удочерил.

– Лиза не росла в детдоме, – негромко произнесла я. Алмазов поднял на меня взгляд, ничего не произнес, но дал понять всем своим видом, что ждет объяснений.

Говорить об этом не хотелось, но если я хочу заручиться его поддержкой, придется открыть всю постыдную правду.

– Лизу воспитывала наша с Оксаной тетка, – уткнулась в тарелку, аппетит пропал.

– Она умерла?

– Нет.

– Тяжело заболела? – от его голоса волоски на коже поднялись дыбом.

– Нет, – ковыряя вилкой в лазанье, ответила я еле слышно.

– Запила?

– Нет.

– Мне до утра вопросы задавать? – отложив вилку, он ждал объяснений.

– Она сдала Лизу в детдом.

– Причина? – чувствовала себя словно на допросе.

– Тетка уехала в Норвегию к своему жениху, но всем в станице она сказала, что отправляется на заработки.

– Почему сразу не обратилась? Сколько ребенок находится в детском доме? – Алмазов словно обвинял в этой ситуации меня. Оправдываться не в моем характере, но тут хотелось объясниться.

– Я сама узнала об этом только три недели назад. Лиза в детдоме находится чуть больше двух месяцев, – глаза защищало от слез, я чувствовала себя предательницей.

– Рассказывай все! Мне клещами тянуть из тебя информацию? – его грубый тон меня не задел. По Алмазову было видно, что он не настолько безразличен к судьбе Лизы, как пытается показать, а для меня это самое главное.

– После смерти родителей тетка взяла нас с Оксаной в свой дом. Родительскую квартиру сначала сдавала, а когда денег стало не хватать, продала ее, – отодвинув тарелку, откинулась на спинку стула, глядя ему в глаза, продолжила:

– Закончив обучение, Оксана уехала в Москву на заработки, присылала деньги, чтобы мы ни в чем не нуждались. Но затем... сестре пришлось вернуться, – голос мой дрогнул, но я понимала, сейчас не до прошлых обид. Я должна сделать все, чтобы он мне поверил и согласился помочь.

– Она не хотела брать Лизу на воспитание? – догадался Алмазов.

– Нет. Но затем согласилась, – с каким трудом я этого добилась, ему знать необязательно. – Не могу сказать, что нам было легко, но мы как-то справлялись, – пожав плечами, сказала я. Вспоминать те времена не хотелось, а тем более вдаваться в подробности неприглядной истории.

Тетка очень жалела, что уступила, денег с трудом хватало на жизнь, так, по крайней мере, она говорила. Забота о грудном ребенке почти полностью легла на мои плечи. Мне было всего тринадцать, понятно, зарабатывать я не могла, поэтому приходилось ежедневно выслушивать упреки. Отношения наши совсем испортились, ведь молча сносить обиды я не умею. Но Алмазову об этом знать необязательно.

– Окончив школу, я поступила в художественный колледж, после первого курса устроилась на работу в частный детский садик, где веду уроки рисования, иногда выполняю заказы для издательств. Для удобства квартиру сняла в городе, добираться из станицы долго и накладно.

– Пенсию по потере кормильца и льготы получала ваша тетка? – перебил меня Алмазов. – Ты им еще и часть своих денег отправляла? – догадался он.

– Я не хотела, чтобы Лиза хоть в чем-то нуждалась. – да и скандалить тетка переставала, как только получала очередной перевод.

– Понятно, – протянул он холодно. – В какой-то момент ваша тетка решила начать жить для себя, нашла себе жениха где-то на сайте знакомств, бросив ребенка, умчалась за гра-

ницу. Я прав?

«Почти».

– В станице мужики простые, в основном пьющие, а Наташа всегда считала себя достойной чего-то лучшего. Личную жизнь наладить не получалось...

– Вас винила? – вновь перебил он, а я повела плечами, не показывая ни да, ни нет. Хотя этот мужчина обладал удивительной способностью читать между строк. – Не хочешь – не отвечай, и так понятно. Как узнала, что Лиза в детском доме? – голос мужчины впервые звучал мягко. Неужели поверил, или это слуховая галлюцинация?

– Последние два месяца у меня не получалось вырваться в станицу: нужно было доделать несколько выставочных работ, горел заказ иллюстраций к книге, в детском садике готовили выпускной, на носу сессия, – слезы уже не получалось сдерживать. – Ната сказала, что у них все хорошо. Бурчала по мелочам, как всегда, я и предположить не могла, что она может так поступить с Лизой.

Алмазов не перебивал, ждал, что я еще расскажу.

– Два дня она не отвечала на телефонные звонки, утром я собралась ехать к ним. Ночью того дня мне на почту пришло письмо от Наты, где она объясняла мотивы своего поступка. Она специально все скрывала, знала, что я не позволю ей так поступить, – вспоминать, что со мной тогда творилось, не хочу. Прорыдав всю ночь, утром отправилась на поиски Лизы, ведь тетка не дала адрес детского дома. На мои гневные

письма она не отвечала, хотя регулярно проверяла почту.

– Не реви! – строго прозвучал его голос, но так, будто его мои переживания волнуют. – Ты своим водопадом не поможешь племяннице. Если ты сказала правду, Лиза ни в чем не будет нуждаться, – человек в Алмазове вмиг исчез, сейчас передо мной сидел бездушный адвокат. – Я обеспечу вас всем необходимым, но прежде чем оформить опеку, ты подпишешь определенные документы. Попробуешь выкинуть какой-нибудь фокус, Лизу я отберу, и ты ее никогда не увидишь, поняла?

От его угрозы стало реально страшно. Если Алмазов, что-то для себя решит, ни перед чем не остановится. Мне бы только Лизу забрать...

– Мне ничего не надо, – гордо заявила я.

– Тебе ничего и не предлагаю, – усмехнулся он. Встал из-за стола и поставил свою тарелку в посудомоечную машину.

– Я уберу, – предложила я.

– Как хочешь, – равнодушно бросил он и направился на выход.

– Почему ты приехал ночевать сюда, а не отправился в лоно семьи? К жене?

– Это не твое дело, – застыл он в дверях. – Вопросы оставь при себе. Я обещал помочь, я помогу... Больше тебе знать ничего не надо.

– Тогда и ты больше ни о чем меня не спрашивай. Будешь настаивать, не жди, что услышишь правду!

– Тон сменила! – резко обернулся он.

– И откуда в тебе столько заносчивости? Я тебя не боюсь!

– Да? Не боишься? – ухмыльнулся он недобро, но пока оставался стоять на месте, а я чувствовала себя загнанным зверьком. Смело смотрела ему в лицо, а внутри все дрожало.

«Что Алмазов задумал?»

Не успела я ойкнуть, как оказалась сидящей на столе с задранной почти до талии футболкой. Его руки удерживали меня за бедра. Чувствовала себя кроликом, которого хотел сожрать удав. Как бы я ни силилась, отвести взгляд не получалось, он словно меня заколдовал.

– Что ты делаешь? – голос дрогнул, выдавая страх, который я пыталась скрыть.

– Проверяю, твоя кожа и правда такая гладкая, или мне показалось. – его ладони медленно скользили по обнаженной коже ног, вызывали какой-то непонятный трепет во мне.

– Показалось! – попыталась сказать жестко, но не вышло, голос дрогнул. Опустила руки на его крупные ладони, отбросила их в сторону, хотя понимала, что Алмазов позволил мне это сделать. – Не смей! – вспомнив сестру, холодно произнесла.

– Твои глаза мне говорят совсем о другом! – и пусть Алмазов больше меня не касался, его потемневший взгляд и неровное дыхание смущали. Лучше бы он подавлял, чем заставлял испытывать такие странные ощущения!

– Ты плохой психолог, – взяв себя в руки, ответила я. –

Там плещется ненависть, и именно ее ты видишь!

– Попробуй убедить в этом себя, меня тебе убедить не удалось, – развернувшись, он вышел.

«Что со мной происходит?» – пытаюсь унять свое сердцебиение, подумала я.

Глава 7

Катя

– Ты перестанешь трястись? – раздраженно спросил меня Алмазов, усаживаясь рядом со мной в такси. – Думай о том, что ты скоро увидишь Лизу.

«Выискался тут психолог!»

– Ты реально думаешь, что меня это должно успокоить? У меня акрофобия!

– Нет у тебя никакой фобии, ты просто боишься изведать что-то новое. Ты весь вечер вчера просидела на подоконнике, и никакой боязни высоты не испытывала, – откинувшись на спинку сидения, он прикрыл глаза.

– Значит, у меня аэрофобия!

– Откуда ты знаешь, если до этого ни разу не летала?

– Знаю!

– Это мы сегодня и проверим. Хотя больше похоже на то, что ты пытаешься вынести мне мозг, – открыв глаза, посмотрел Алмазов на меня. – А теперь помолчи немного, нам почти час ехать, я хочу подремать, – устроившись удобно, насколько позволял небольшой салон машины, он закрыл глаза.

«Подремать он хочет?!»

– Я вижу, тебя совсем не смущает, что мы не выспались по твоей вине?!

– Мы не выспались, потому что ты до трех утра бегала ко мне с вопросами, – не открывая глаз, раздраженно проговорил он.

– Не надо было меня заставлять изучать документы, в которых я ничего не понимаю! Я же сказала, что найму адвоката.

– Ты их не изучала, ты на них рисовала!

И это правда. Но рисовать на них я стала не сразу. Когда в десять вечера Алмазов приказал мне прочитать документы, я верила, что смогу быстро от них избавиться. Не думала, что это будет так нудно. Я честно пыталась вникнуть во все это, но сдалась. Мой мозг отключился, уснула я прямо на договоре.

Алмазову это не понравилось, он меня разбудил, заставил умыться холодной водой и сесть за изучение документов в кухне!

– Вот тебе карандаш, пометь все, что тебе неясно, я утром посмотрю, затем обсудим.

Прогнал мне весь сон, а сам отправился спать!

Тогда-то я и решила ему отомстить. Карандаш мне пригодился, с его помощью я убивала время – рисовала карикатуры на обратной стороне договора.

Каждые двадцать-тридцать минут шагала в гостиную, включала свет, без зазрения совести будила адвокатишку и засыпала его вопросами, а он отвечал и объяснял. Свое довольное состояние старательно при этом скрывала. Делала

вид, что внимательно слушаю, но спроси меня сейчас хоть об одном пункте, я не вспомню.

Алмазов такой смешной спросонья. Первые три-четыре раза мне даже думалось, что он добрый. Но чем чаще я его будила, тем сильнее портилось у него настроение, становилось все пасмурнее и пасмурнее.

Ближе к трем часам ночи я добилась своего, терпение адвокатишки закончилось. Разразившись матерной тирадой, он порвал лист договора. Куда я могу отправиться с этим документом по его словам, повторять не стану. Сделав вид, что обиделась, я пошла собирать вещи.

Матерился Алмазов в это утро еще дважды: первый раз, когда сработал будильник, установленный в телефоне на четыре часа, второй раз, когда обнаружил мои рисунки в кухне на столе.

На борт самолета поднималась, словно всходила на эшафот. Вцепиться в поручень трапа мне не позволила гордость. Ну и Алмазов, который крепко держал меня за локоть и тянул за собой, словно я в последний момент могу передумать и сбежать.

– Мне нравится, что сегодня ты похожа на женщину, а не на оборванца, лететь с тобой будет не стыдно, – равнодушно произнес он. Но в его безразличие я не верила, слишком часто ловила на себе заинтересованный взгляд.

– Я почему-то думала, что тебя зовут Георгий Романович, а не Роман Георгиевич, – обратилась я к Алмазову, когда мы

заняли свои места в самолете. Сидя в салоне первого класса, я до дрожи в коленях боялась взлета, вот и болтала все, что лезло в голову. Хотя этот момент меня и правда волновал. Уже не в первый раз задавала себе этот вопрос: «Как я могла перепутать имя и отчество Алмазова?»

– Индюк тоже думал... – не глядя на меня, буркнул он.

«И что должна означать эта фраза?»

– Объяснений я не дождусь, – нарочито равнодушно пожала плечами и уставилась в иллюминатор.

Он и не думал мне отвечать. Отмахнулся как от назойливой мухи, включил планшет и больше на меня не смотрел.

«Ну и ладно!»

Оксана бы наверняка дала Лизе отчество отца, а вот Ната по этому поводу не заморачивалась, выбрала к имени красивое подходящее отчество – Елизавета Константиновна.

За эти два дня Алмазов даже не попросил показать мне фото Лизы, словно она его вообще не интересует... Бесчувственный сухарь!

Как бы обидно мне ни было за племянницу, сейчас это все неважно. Я согласна терпеть этого ледяного истукана, лишь бы он вернул Лизу! Ведь мне тогда не придется выходить замуж за старого козла, у которого я сейчас снимаю квартиру.

Если Алмазов не обманул, и он правда станет помогать дочери финансово, деньги его я постараюсь не тратить, буду откладывать Лизе на банковский счет. На жизнь нам я постараюсь зарабатывать сама.

Этот чурбан бездушный никогда не поймет, что любовь не покупают. У него просто замечательная дочь, а он... робот, а не человек!

– Перестань.

– Что «перестань»?

– Так меня разглядывать, а то подумаю, что ты влюбилась, – не отрывая глаз от планшета, произнес он. А я осознала, что уже давно не смотрю в окно, а испепеляю взглядом Алмазова. Но отворачиваться я не спешила.

– Как можно быть таким бездушным?

– Душевная ты наша, – протянул он и перевел на меня взгляд. – Может, помолчишь? Я понимаю, что ты боишься лететь, понимаю, что гул двигателей тебя пугает до усрачки, но это не повод нести всякую хрень. Я могу тебя поцеловать, и ты успокоишься, – сказал Алмазов таким тоном, словно зачитал выдержку из конституции.

«Мне это, наверное, должно было польстить?»

Катя

– У меня в детстве был медотвод от прививок, захламлять свой организм бактериями не собираюсь, – огрызнулась я.

– А это уже интересно, – лениво протянул он. – Раньше ты целовалась только со стерильными? Или они тебе перед каждым поцелуем справки из поликлиники приносили? – не понятно было, злится Алмазов или насмехается, на лице застыла непроницаемая маска. – Больше чем ОРВи ты вряд ли

от поцелуя подхватишь, а вот от незащищенного секса можно что-то пострашнее ветрянки поймать, – ухмыльнулся он, и я немного расслабилась, хоть какие-то эмоции.

– Да, ты прав. А еще от незащищенного секса дети бывают, – не удалось сдержаться и не напомнить ему о прошлом. – И не только женщина должна нести за них ответственность.

– Твое желание защитить сестру похвально. И я бы согласился с каждым твоим словом, не знай я Оксану лично. Наши мнения в этом вопросе диаметрально противоположные. Думай, что хочешь, – снова взяв в руки планшет, он вновь погрузился в работу.

Что я чувствовала в этот момент, не знаю. Нельзя судить человека, не выслушав его версию событий. Оксана об отце своего ребенка не сказала ни единого плохого слова, почему же я так сильно злюсь на него?

Когда самолет начал разгоняться, все мое нутро от страха заledenело, а когда шасси оторвалось от взлетной полосы, я была уверена, за мной пришла старуха с косой. Стоит где-то рядом и ждет! Самолету падать было необязательно, я сейчас умру от остановки сердца. Кончики пальцев, вцепившиеся изо всех сил в кожаные подлокотники, ощутимо болели. Воздуха в легких перестало хватать.

«Это мой первый и последний полет!» – зажмурившись, успела подумать я, прежде чем теплые губы властно прижались к моему рту.

И вот тут действительно мне стало... Страшно?!.. Совсем плохо?.. А может, хорошо?

«Нет-нет, плохо! Плохо! Мне стало очень плохо!» – пыталась думать именно в этом русле. Даже оттолкнуть этого зазнавшегося самца не могла, руки словно приросли к подлокотникам кресла!

Его губы на вкус терпкие, словно крепкий кофе без сахара. Нет, в этом поцелуе не было нежности и мягкости. Уверенные, ведущие касания не оставляли шансов на сопротивление. Чувствовала себя льдинкой, которая плавилась на его губах.

«Это грех – испытывать то, что я сейчас ощущаю!»

Несмотря на доводы разума, я приоткрыла рот под напором его губ и позволяла делать со мной все, что Алмазов считал нужным.

Так не целуются простые смертные. Нельзя одним поцелуем испепелить все преграды: девичьи табу, голос разума и прошлое, которое стояло между нами.

Чем властнее и напористее становились его прикосновения, тем сильнее росло мое желание стать равной партнершей в этом сражении. Схватила Романа за плечи, смяла в руках шелковую ткань белой рубашки, провела по его нижней губе кончиком языка.

Дыхание Алмазова изменилось... Но в следующий миг меня жестко опустили на землю.

– Дальше со своей истерикой будешь справляться без мо-

ей помощи! – процедил он зло, закинул ногу на ногу и опустил на колени планшет.

– Я не просила о помощи! Да за такую услугу в другой стране тебя можно было бы к суду привлечь! К сексуальным домогательствам только в России лояльное отношение! – гневно высказалась я.

– Домогательство? – вновь этот ленивый уверенный тон. – Можешь даже заявление в прокуратуру написать, не страшно. У меня свидетельница есть, что это неправда. Стюардесса видела, как мы целовались. Домогательством там и не пахло, ты чуть рубашку на мне не порвала, – глумился он, а я в ужасе искала взглядом бортпроводницу. Стыдно-то как!

«Не смогла совладать с собой, растаяла от поцелуя!» – ругала себя мысленно.

– Твой «праведный» гнев не введет меня в заблуждение, – продолжал он, не замечая моего смущения. – Тебе понравилось. Не лги ни себе, ни мне!

«Нет, не понравилось! Это я от страха ориентиры потеряла!» – внушала себе. Хотелось прокричать эти мысли вслух, но толку, Алмазов мне не поверит.

Провалилась бы сквозь землю от стыда! Тут же опомнилась и прогнала эти мысли. Куда проваливаться? Я в самолете! Пусть лучше Алмазов исчезнет куда-нибудь! Ведь его слова меня цепляли за живое, была в них крохотная толика правды – поцелуй мне понравился!

Захотелось спрятать лицо в ладонях и завывать.

«А ну успокоилась, ты не страус, прятать голову в песок!»

– Больше никаких истерик! – отчитал меня Алмазов, заметив, наверное, мое состояние.

Вот же!.. Дикарь с первобытными замашками: сначала лезет целоваться, потом орет! Смерив его высокомерным гордым взглядом, демонстративно отвернулась.

Глава 8

Алмазов

Решить скорее этот вопрос и постараться свести в дальнейшем наши встречи к минимуму! Лиза ни в чем не виновата, если тест ДНК подтвердит наше родство, в жизни ребенка появится еще один родной человек, ведь я не собираюсь оставаться в стороне, но от Никитиной мне лучше держаться на расстоянии.

Эта семейка обладает какой-то магической силой, иначе как объяснить мой интерес сначала к старшей сестре, теперь к младшей? Фиалка представляет угрозу моему спокойствию: слишком много я о ней думаю, и слишком сильно меня к ней тянет!

Вечно приходится с собой бороться. Ощущение, что между нами натянуты невидимые нити: постоянно хочется повернуть в ее сторону голову, остановить на ней взгляд, поймать улыбку... А эти красивые губы...

«Не нагнетай, Алмаз! Обычный недотрах. У нас, мужиков, лечится на раз-два, пара жарких ночей с какой-нибудь красоткой, о расцветающей Фиалке ты и не вспомнишь!»

А ведь внутренний голос прав. Мозг отвлекается на сексуальный объект, а я этого не люблю, поэтому разрядка должна быть регулярной. Вроде всего два дня без женщины, а ощущение, что постился пару месяцев!

Два вечера я наблюдал за ее перемещениями по квартире, чувствовал запах ее геля в своей душевой и представлял обнаженной. Вчера вообще полночи таскалась ко мне и будила. Спросонья сложно контролировать свои инстинкты, хотел схватить ее и подмять под себя.

«Хватит отвлекаться, нужно работать!»

Пришлось оставить контору без руководителя. На ближайшие два дня у меня не было запланировано никаких встреч, но вопросы у коллег возникали регулярно.

Делами опеки я никогда не занимался, специалисты, имевшие такую практику, у нас в конторе есть, поэтому пришлось обратиться к ним за консультацией. Сам тоже не сидел на месте, последние два дня штудировал забытый материал. Однозначного решения пока не принял, сначала увижу Лизу, поговорю с директором детского дома, а там буду действовать по обстоятельствам.

По некоторым высказываниям Кати догадался, что отношения с директором детского дома у нее не сложились. Ничего удивительного, ведь Фиалка выглядит, как подросток, понятно, что ей не хотят передавать опеку. Хотя, здесь я на стороне Никитиной. Лизе она сможет дать главное – любовь. А внешний вид девушки очень обманчив, это она снаружи напоминает нежный цветочек, а характер у нее стальной, не согнешь!

Остается много открытых вопросов, но мы постараемся

их решить. Можно ведь нанять няню, пока Никитина на учебе и работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.